

В кругу собравшихся царило холодное безразличие. Большинство не знали Сун Чжи и, видя, как он отказывает Чомань, лишь недоумевали или злорадствовали, предвкушая скорую расправу.

Сун Чжи стоял на коленях, застыв в угрюмом молчании.

Чомань, как и следовало ожидать, пришла в ярость.

— Ты и впрямь думаешь, что я не посмею тебя ударить? — выкрикнула она, вскидывая руку.

Тонкий кончик алой змеи свистнул в воздухе. Плеть, сплетённая из какого-то гибкого и прочного материала, обжигающе-яркая, в мгновение ока опустилась на спину юноши. Ткань лопнула, и на его спине проступил багровый рубец.

Он лишь глухо застонал. От резкой боли в глазах потемнело.

«Проклятье, — пронеслось в голове, — совсем новый халат, теперь только выбросить». Но, несмотря на муку, он не проронил ни слова мольбы.

Это взбесило Чомань ещё сильнее.

— Довольно, парень, — внезапно прервал её Мэн Хуань. — Неужели какой-то мяч стоит твоей жизни? Даже если у тебя есть гордость, не стоит разбрасываться ею так глупо. Правый советник Чжан с таким трудом спас тебе жизнь, а ты её так бездарно губишь?

Сун Чжи промолчал. Мэн Хуань присел перед ним на корточки, вглядываясь в лицо.

— Подними голову.

Сун Чжи не шелохнулся. Тогда офицер властно перехватил его за подбородок и вскинул голову юноши. Он впился пальцами в кожу с такой силой, что тот едва не вскрикнул от боли. Он не привык к ударам плетью; на лбу выступила мелкая испарина, но он смотрел упрямо и с затаённой ненавистью. Он искусал бледные губы почти добела.

Мэн Хуань, почувствовав необъяснимую неловкость, отвёл взгляд. Разжав руку, он поднялся. То самое чувство дежавю нахлынуло с новой силой.

— Я дам тебе шанс искупить вину, — холодно произнёс Мэн Хуань. — Исполни волю молодой госпожи Чомань, принеси нам мяч. Иначе сегодня добром это не кончится.

Сун Чжи скользнул взглядом по лицу Чомань — она смотрела с нетерпением и презрением.

Опустив взор, он выдавил:

— Слушаюсь.

Унижение.

Пока Сун Чжи подбирал мяч, он едва не крошил зубы от ярости. Эти люди могли не убивать его, отдавая дань уважения Чжан Хуэю, но он понимал: на самом деле он больше не принадлежал к свите советника. Без этой защиты его жизнь для них не стоила и ломаного гроша. Он не боялся смерти, но страшился того, что Сю-нянь придётся хоронить единственного сына.

Чомань, верная своей натуре взбалмошной девицы, упивалась властью. Она нарочно отбивала мяч как можно дальше, заставляя Сун Чжи бегать за ним снова и снова.

Мэн Хуань и Мэнгутаи гоняли мяч два часа, и всё это время Сун Чжи метался по полю, задыхаясь от усталости. Рана на спине, пропитавшись потом, горела огнём. Когда игра закончилась, Чомань, пребывая в прекрасном расположении духа, швырнула ему пачку ассигнаций — забава явно удалась.

Эта встреча была не просто игрой, а столкновением двух лагерей: молодёжи во главе с Мэнгутаем и кругом Мэн Хуаня. По сути, на поле сошлись главные политические силы двора.

Чомань выступала на стороне Мэн Хуаня, оба они принадлежали к свите Баяни. Мать Чомань была сестрой Аньтуна, который всегда враждовал с Ахмадом и не раз подавал императору доклады с требованием его отставки.

Обе стороны жаждали победы, но матч закончился вничью. Когда Сун Чжи, измотанный до предела, выходил из поместья Ахмада, его окликнули:

— Сун Цзилань!

Он замер, но не обернулся. Мэн Хуань, не выказав и тени раздражения, размашистым шагом подошёл к нему и бесцеремонно оглядел с головы до ног.

— Мы раньше не встречались?

— Никогда, — отрезал Сун Чжи.

Мэн Хуань усмехнулся:

— А мне твоё лицо кажется знакомым.

— Офицер Мэн наверняка обознался, — голос Сун Чжи сочился ядом. — Я живу в бедняцком квартале, где бы нам видеться?

Слова были колкими, задевающими за живое.

— Раз ты понимаешь своё место, — вкрадчиво произнёс Мэн Хуань, — то почему смел перечить молодой госпоже Чомань и почему так разговариваешь со мной? Кто дал тебе право?

Сун Чжи вскинул голову и с горькой усмешкой процедил:

— Даже у последнего бедняка есть своя гордость!

— Гордость? — Мэн Хуань презрительно фыркнул. — Была бы в тебе гордость, ты бы издох под плетью Чомань, но не склонился бы. Какое право рассуждать о чести имеет тот, кто дорожит лишь собственной шкурой?

Сун Чжи вспыхнул, краска гнева залила лицо.

— Его Величество ценит учёных мужей, — продолжал Мэн Хуань. — Я слышал, ты весьма одарён, но не желаешь служить империи. Что ж, не пропадать же таланту зря... Стань моим учителем словесности. Что скажешь?

Такого поворота Сун Чжи не ожидал. Он мгновенно отказался:

— И не подумаю!

Мэн Хуань странно прищурился, глядя на него сверху вниз.

— Хм... боюсь, простому смерду нечему учить офицера, — добавил Сун Чжи.

— Есть чему или нет — решать не тебе, а мне, — Мэн Хуань положил ладонь на рукоять меча. — Я не предлагаю, я приказываю. согласишься ты или нет — значения не имеет. Иначе я убью ту девчонку, с которой видел тебя в прошлый раз.

Сун Чжи оцепенел. Он сразу понял, что речь о Маньэр.

— Офицер Мэн, вам не кажется, что это слишком?! Маньэр здесь ни при чём! Не бойтесь кары небес за то, что впутываете невинных?

Мэн Хуань коротко рассмеялся:

— Я годы провёл на полях сражений, и счёт моим жертвам давно потерян. Если кара и существует, она бы уже настигла меня. Не утруждай себя заботой о моей душе.

В этот момент Чомань, уже севшая в карету, откинула занавеску и крикнула:

— Хацзиэр, скорее!

Мэн Хуань бросил напоследок:

— Через три дня жду тебя в своём поместье. Не придёшь — последствия ты знаешь.

С этими словами он развернулся и ушёл.

Сун Чжи трясло от ярости, но он был бессилен.

Вернувшись домой, он не посмел признаться Сю-нянь в случившемся. Тайком купив мазь в лавке, он попросил аптекаря обработать рану на спине — самому было не дотянуться. Матери же он солгал, будто случайно зацепился за что-то халатом, и попросил заштопать дыру.

Но когда Сю-нянь взяла одежду, её лицо мгновенно изменилось. Глядя на багровую прореху, она спросила глухим голосом:

— И кровь на ткани... тоже случайность?

Сун Чжи, скрепя сердце, кивнул. Женщина пристально посмотрела на него.

— Лань-ге, скажи правду... Это снова монголы? Они опять издевались над тобой?

— Нет, — отрезал он. — Сю-нянь, ты слишком мнительна. Меня защищает господин Чжан, кто посмеет меня тронуть?

Видя, что она не верит, Сун Чжи попытался улыбнуться:

— Вы же знаете, кто такой господин Чжан Хуэй. Правый советник, чиновник второго ранга, старый соратник императора. Под его крылом я в полной безопасности.

Сю-нянь промолчала, но она всё ещё выглядела встревоженной.

— На одежде кровь, значит, и спина изранена. Насколько всё серьёзно?

Сун Чжи мягко коснулся её руки:

— Пустяки, царапина. Папаша Лу из аптеки уже всё обработал, не волнуйся.

Сю-нянь порывалась осмотреть рану, но он со смехом увернулся и достал из-за пазухи деньги:

— Вот, плата за последние дни. Нам хватит надолго.

Мать вздохнула и приняла серебро.

— Маньэр и тёте Бай сейчас несладко, — добавил Сун Чжи, стараясь сменить тему. — Приглядывай за ними.

— Само собой, — ответила Сю-нянь, понимая его уловку. — Я и без твоих слов присмотрела бы.

Сун Чжи вспомнил о вещах, которые одолжил у Ци Люйцяня, и спросил, высохли ли они после стирки. Сю-нянь вынесла аккуратный сверток:

— Давно готовы. Ты был занят, вот я и не напоминала.

— Спасибо. Завтра же отвезу.

На следующее утро Сун Чжи отправился в путь.

Ци Люйцянь жил в переулке Лихуа квартала Сычэн, что у ворот Цихуамэнь — путь предстоял неблизкий.

У дверей дома его встретил слуга в синем одеянии. Посмотрев на визитную карточку и отметив приличный вид гостя, тот вежливо улыбнулся:

— Господин Сун, вы как раз вовремя. Хозяин ушёл на службу, но скоро вернётся. Прошу, подождите внутри.

Сун Чжи некуда было спешить. Он прошёл в дом, и не успел допить вторую чашку чая, как вернулся хозяин. Узнав о визите друга, Ци Люйцянь ещё издали весело воскликнул:

— Цзилань! Какими судьбами? Не ждал, не ждал!

Он выглядел воодушевлённым.

— С чего вдруг ты решил заглянуть?

Сун Чжи протянул ему сверток:

— Завёз одежду, которую брал у тебя. Всё руки не доходили, а сегодня выдалась свободная минутка, вот и решил навестить заодно.

Ци Люйцянь отмахнулся:

— Оставь, это же просто тряпки! Неужто я для друга пожалею?

— Вот именно, — рассмеялся Сун Чжи. — Раз пустяк, то прими его и не спорь, я же проделал такой долгий путь.

Хозяин велел слуге унести вещи и спросил:

— Ну, колись, не ради же халата ты пришёл?

— Да так, просто гулял мимо. Не думал я, Бохэн, что ты в такие юные годы уже на государевой службе.

Ци Люйцянь смущённо почесал в затылке:

— Да какая там служба... Так, мелкая сошка в управлении Тайбу, звёзды считаю.

Ци Люйцянь обожал астрономию и математику, хотя для большинства книжников эти занятия считались «пустыми забавами».

— Небось презираешь меня за это? — с надеждой спросил он.

— С чего бы? — искренне удивился Сун Чжи. — Ты в свои годы попал в Тайбу, другим такое и не снилось. За что мне тебя презирать?

Ци Люйцянь довольно улыбнулся:

— Ты ведь моложе меня, а рассуждаешь как старик. Напомни, когда ты родился?

— Восьмого числа первого месяца пятого года Цзиньдин.

— Ага! — воскликнул Ци Люйцянь. — Значит, ты должен звать меня старшим братом. Я родился тринадцатого апреля четвёртого года Чжунтун.

Сун Чжи был младше на девять месяцев и без лишних споров чинно произнёс:

— Брат Бохэн.

Ци Люйцянь довольно расхохотался.

Они проболтали ещё какое-то время, но Ци Люйцянь заметил, что гость нет-нет да и хмурится.

— Цзилань, у тебя что-то стряслось? На тебе лица нет.

Тот вздрогнул. Неужели тревога так заметна?

— Нет, всё в порядке.

— А ожог? Зажил?

Сун Чжи засучил рукав, демонстрируя чистую кожу.

— Совсем прошёл.

Ци Люйцянь внимательно осмотрел руку. Волдыри исчезли, краснота сошла. Он даже легонько коснулся кожи пальцами.

— Вот и славно! Кожа у тебя, Цзилань, нежнее, чем у девицы. Теперь снова сможешь рисовать.

Сун Чжи иронично взглянул на него, но тот лишь отшутился:

— Это я так хвалю!

— Тебе и впрямь нравятся мои картины?

— Чистая правда! Дороже золота!

— Ну, тогда на днях напишу для тебя что-нибудь стоящее.

— Не пойдёт! — запротестовал Ци Люйцянь. — Шедевры господина Суна не должны раздаваться даром. Назови цену, я куплю!

— Пустяки, — улыбнулся юноша. — Только ты умеешь по-настоящему ценить мои работы. Пусть картина будет у тебя, чем пылится без дела. Решено.

Перед уходом Сун Чжи невзначай поинтересовался, где находится поместье Мэн Хуаня.

— Хацзиэр? — удивился Ци Люйцянь. — Тот самый любимчик генерала Баяни?

Сун Чжи кивнул.

— Зачем он тебе? — Ци Люйцянь спросил это мимоходом и тут же пояснил: — Его отец, Худуху, сейчас служит в Чжэси, в столице его нет. Мэн Хуань живёт один, кажется, где-то на западе, в квартале Тайпин у ворот Хэи.

Сун Чжи помрачнел. Квартал Сычэн был на востоке, Тайпин — на западе. Это было ещё дальше от его собственного дома.

Поблагодарив друга, он ушёл. Весь день Сун Чжи терзался сомнениями, стоит ли идти к офицеру, но на следующее утро Мэн Хуань сам напомнил о себе.

Сун Чжи привычно читал в своей комнате, как вдруг из-за стены донёлся истошный крик — это был голос Маньэр.

<http://bllate.org/book/17487/1693241>